

© 2023

Алексей Калинин

кандидат экономических наук, руководитель практики государственного консалтинга ООО «Бизнес решения»/SBS, доцент департамента прикладной экономики Факультета экономических наук НИУ ВШЭ

(г. Москва, Россия)

(e-mail: kalinin_a@mail.ru)

СОКРАЩЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ПРИСУТСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ 2022 Г. И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Новым для российской экономики явлением в 2022 г. стал уход с рынка иностранных компаний, обусловленный изменением политической ситуации. В исследовании показано, что фактические масштабы закрытия юридических лиц – иностранных промышленных игроков оказываются невелики, даже меньше, чем в предшествующие годы: максимальное количество закрытых в течение года юридических лиц приходится на 2018–2019 гг. В то же время до 2021 года значимого отличия в поведении между российскими и иностранными компаниями, стремлений сократить или ограничить объемы деятельности, выявлено не было.

С учетом времени, необходимого на выполнение нормативных требований к закрытию компаний, озвученные в 2022 г. решения скорее всего скажутся на статистике выбытия иностранных организаций в 2023–2024 гг. Кроме того, возможное будущее изменение поведения иностранных собственников, в форме ограничения или приостановки деятельности без формального закрытия компаний, по итогам 2022–2023 г. потребует отдельного изучения.

Ключевые слова: иностранные компании, бизнес-демография, уход с рынка.

DOI: 10.31857/S020736760025154-8

Начало в феврале 2022 г. специальной военной операции Российской Федерации на Украине повлекло за собой заявления иностранных компаний об уходе с российского рынка или приостановлении деятельности. Причины этих заявлений были различны, как в силу нормативных санкционных ограничений и невозможности вести бизнес, так и по иным соображениям. Риски и последствия приостановки или прекращения деятельности немедленно стали предметом тщательного анализа. Например, Д. Землянским [1] указывалось, что в случае, если 50% организаций с иностранной и совместной собственностью, присутствующих на территории РФ, приостановят свою деятельность, в 21 регионе число безработных может вырасти более чем в 1,5 раза. А. Шаститко и А. Мелешкиной рассмотрены вопросы альтернативных реакций органов власти на решения иностранных компаний о сворачивании бизнеса в России [2]. А. Седловым был отмечен уход специалистов из развитых стран, следствием чего стала примитивизация рынка иностранной рабочей силы [3].

В то же время фактическое принятие решений о закрытии бизнеса, в том числе непубличное, и влияние принимаемых решений на российскую бизнес-

демографию, а также особенности изменения поведения уходящих компаний до настоящего времени не оценивались, хотя структуризация решений и варианты действий систематизированы, в частности, И. Квашниной [4], причем сворачивание прямых иностранных инвестиций и возможный уход иностранного бизнеса названы ею наиболее негативными последствиями санкций и ответных ограничений по трансграничным потокам капитала. Рассмотрение этих процессов применительно к одной из отраслей экономики — обрабатывающей промышленности — позволит понять масштабы сокращения иностранного присутствия.

Отсутствие массового бегства компаний в 2022 году. Отправной точкой для анализа является публичная систематизация декларируемого статуса деятельности иностранных компаний на российской территории, выполненная Йельским университетом (США). Институт лидерства исполнительных директоров Школы менеджмента Йельского университета ведет базу данных¹ по иностранным компаниям, опубликовавшим те или иные решения относительно дальнейших действий на российском рынке. Компании классифицируются по категориям от «полностью прекратили деятельность или полностью покинули Россию» до «продолжают вести обычный бизнес». Применяемая в базе данных классификация видов деятельности (используется, в частности, S&P) не позволяет напрямую выделить организации, относимые к обрабатывающей промышленности в Российской Федерации. Приблизительное² отнесение к тем или иным видам деятельности исходя из наименований организаций и описания их деятельности показывает, что из 1389 компаний в базе данных на 30.01.2023 к категориям А (полное прекращение) и В (деятельность свернута с опционом вернуться) отнесено 834 организации, в том числе 342 — по категории А и 492 — категории В.

Для оценки фактического уровня ухода организаций с российского рынка обратимся к данным информационной системы СПАРК-Интерфакс. Выборка компаний с основным видом деятельности, относящимся к обрабатывающим производствам (группа С по ОКВЭД2), формами собственности «Иностранная собственность» и «Совместная российская и иностранная собственность» и датой ликвидации с 1 января по 31 декабря 2022 г. составляет 926 организаций. Это именно закрытые юридические лица, то есть случаи прекращения деятельности, по крайней мере, в ранее существовавшем виде.

Характеристики ликвидированных компаний представлены в таблице (табл. 1). Заметим, что далеко не по всем ушедшим компаниям имеется информация об их характеристиках и финансовом положении; наиболее полными

¹ Yale CELI List of Companies Leaving and Staying in Russia. URL: <https://www.yalerussianbusinessretreat.com/>.

² Так, к категории *industrials* в базе данных отнесены компании, деятельность которых в России может быть связана не с производством, а с оптовой торговлей, ИТ и предоставлением различных услуг.

оказываются сведения не 2021, а 2019 года, то есть последнего благополучного года перед наступлением пандемии COVID.

Таблица 1

Характеристики иностранных промышленных компаний, прекративших деятельность в 2022 г.

	Значение	Количество компаний (доступных) значений	Среднее для до- ступных данных
Количество компаний	926		
Уставный капитал всего (млн руб.)	8 082,30	863	9,4
Совокупная среднего- довая численность ра- ботников в 2021 г.	1 808	119	15
Совокупная среднего- довая численность персонала в 2019 г.	4 461	521	9
Выручка в 2021 г. (млн руб.)	10 697	43	248,8
Чистая прибыль в 2021 г., млн руб. (по прибыльным)	286,9	26	11,0
Чистый убыток в 2021 г., млн руб. (по убыточным)	–8430,5	60	–140,5
Выручка в 2019 г. (млн руб.)	45 316	562	80,6
Чистая прибыль в 2019 г., млн руб. (по прибыльным)	629,4	247	2,5
Чистый убыток в 2019 г., млн руб. (по убыточным)	–2532,9	173	–14,6

Источник: составлено автором на основе данных СПАРК-Интерфакс.

Фактические масштабы ухода из Российской Федерации иностранных компаний в 2022 году оказываются не так уж значительны. В пересчете на уставный капитал обрабатывающая промышленность лишилась всего 8 млрд руб., а с точки зрения занятости — порядка 2 тыс. рабочих мест, то есть эффект для рынка труда от закрытия предприятий в иностранной или смешанной собственности составил не более 2 тыс. человек. По объемам выручки российская промышленность потеряла всего лишь порядка 11 млрд рублей, что при общей выручке от реализации товаров, работ и услуг обрабатывающей промышленностью в 2021 г. в размере 60,3 трлн рублей (данные Росстата) является совершенно незначительной величиной.

Большинство закрывшихся компаний в 2021 году не имели прибыли или несли убыток. Действительно прибыльных организаций оказалось только 26 и только эти организации можно рассматривать как ушедшие в силу изменившихся политических условий, несмотря на привлекательность российского рынка. Среди них есть подразделения известных компаний: совместное предприятие «Соллерс-Буссан» (альянс российской «Соллерс» и японской «Мицуи»), российское представительство локомотивного производства «Штадлер», но в основном это организации, наименования которых трудно назвать известными.

«Уход» иностранного бизнеса из России в 2022 году, по крайней мере, в части именно «чистого» ухода, ликвидации юридического лица, занимавшегося деятельностью в обрабатывающей промышленности, сведениями о ликвидации юридических лиц пока никак не подтверждается. Можно говорить о продаже или любой другой возможной форме временной передачи российских подразделений локальным партнерам, фактическом свертывании деятельности, других действиях — но ни в коем случае не о форсированном уходе с российского рынка.

Сокращение числа иностранных компаний с 2016 г. На фоне информационного шума об уходе компаний в 2022 году незамеченными остались процессы выхода из российской экономики иностранных организаций в предшествующие годы, хотя в целом демография организаций является традиционным предметом исследования, и на сокращение количества компаний в экономике неоднократно обращалось внимание. В частности, С. Важениным и И. Важениной [6] указывается, что в Российской Федерации и большинстве ее регионов уже с 2016 г. коэффициент официально ликвидированных организаций стал существенно опережать коэффициент «рождаемости» организаций. В. Плотниковым [5] была отмечена устойчивая динамика сокращения количества российских организаций в 2018–2019 гг. Сходные выводы сделаны Э. Позубенковой [7], Е. Скрипкиной и Е. Перьковой [8] и другими исследователями. При этом сокращение именно иностранного присутствия в экономике детально не исследовалось.

На Рис. 1 представлено количество промышленных компаний в иностранной или смешанной собственности, созданных и закрытых в 2008–2022 гг., а также сальдо создания и закрытия (по числу организаций), исходя из сведений о ликвидированных организациях, доступных в системе СПАРК-Интерфакс.

Для российской обрабатывающей промышленности закрытие до двух тысяч организаций с иностранной или смешанной собственностью в течение года является своего рода вариантом нормы. При этом закрываются практически в подавляющем большинстве именно убыточные компании, не показывавшие в отчетности прибыль в год, предшествующий закрытию. На фоне предшествующих лет 2022 год оказывается вовсе не примечателен с точки зрения ликвидированных промышленных организаций. Причина этого не в позитивности ситуации, а в значительном количестве ранее ушедших компаний и в стабильно

отрицательном сальдо созданных и ликвидированных организаций начиная с 2016 года. Кризис иностранного участия в российской промышленности наметился не в 2022 году и даже не в силу влияния пандемии COVID, а гораздо раньше. По числу ликвидаций нельзя сказать, какие из них были вызваны поглощением иной организацией, какие — намерением уйти с рынка, а какие — реакцией на проводимую государством политику деофшоризации и прочие меры по институциональному оздоровлению экономики. Тем не менее само по себе резкое изменение числа ликвидированных юридических лиц после 2015 года заслуживает внимания.

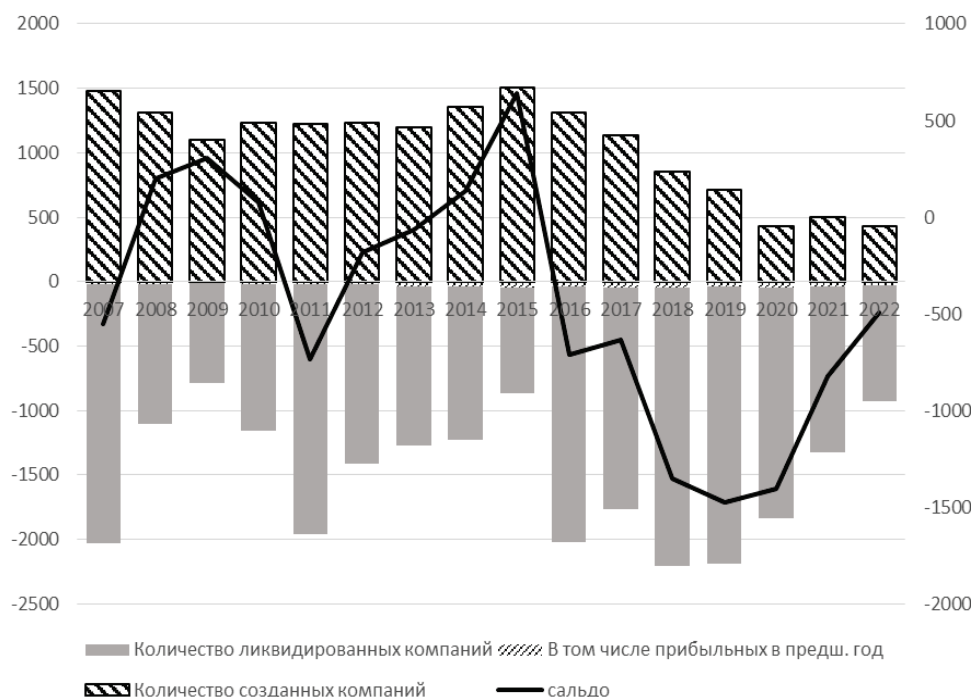

Рис. 1. Созданные и ликвидированные организации с иностранной и смешанной собственностью
 Источник: составлено автором на основе данных СПАРК-Интерфакс.

Следует отметить, что непосредственно в кризисные годы (2008–2009, 2014–2015) количество ликвидируемых компаний невелико, то есть, имеет место лаг примерно в 1–2 года. Таков, по-видимому, срок, необходимый для принятия решения собственниками компаний и для выполнения всех процедур, связанных с закрытием организации. Первое предполагает определенный период ожидания, формирование оценки и прогнозирование развития ситуации, исходя из которого принимаются решения о фиксации убытков и закрытии или о продолжении поддержания компании «на плаву». Второе — время, требуемое

для подачи заявления в ФНС России и выполнения всех предписанных процедур по урегулированию долгов, увольнению персонала и т.д. По этой причине последствия изменения политической ситуации в 2022 г., скорее всего, скажутся на статистике выбытия иностранных организаций, в особенности благополучных (прибыльных), не в 2022 году, а в 2023–2024 гг.

Сворачивание деятельности при сохранении присутствия? Важным для экономики является не только юридически оформленный уход компаний с рынка, но и сокращение экономической активности. Так, деление на «растущие» и «угасающие» организации применено Е. Скрипкиной и Е. Перьковой [8] с выводами об устойчивом снижении числа растущих организаций в последнее пятилетие при хаотичном варьировании числа «угасающих».

Снижению иностранных инвестиций с рекордных значений конца 2000-х годов посвящено немало исследований, как с точки зрения сокращения притока инвестиций, так и с точки зрения оттока (вывода капитала). В частности, по оценке Института экономики РАН, в 2014 г. объем поступающих в страну прямых иностранных инвестиций (ПИИ) снизился по сравнению с 2013 г. более чем в 3 раза, а в 2015 г. последовало пятикратное падение, с достижением тринадцатилетнего минимума [9]. В 2018 г. А. Кнобелем и Ю. Зайцевым [10] указывалось, что по итогам 2018 г. ЦБ РФ зафиксировал наибольший показатель оттока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из капитала российских компаний за всю историю статистических наблюдений: 6,46 млрд долл.

Хотя Росстат и не приводит структуры инвестиций по видам экономической деятельности и источникам (формам собственности) ранее 2017 года, для экономики в целом объем инвестиций в реальном выражении после максимальных значений в 2012 г. действительно снизился и после 2014 г. находился на относительно постоянном уровне (Рис. 2).

Помимо инвестиционной активности, сворачиванию или заморозке может подвергнуться и текущая деятельность компаний. Здесь мы приходим к вопросу: отличалось ли с началом обострения отношений между Россией и Западом в 2014 году поведение на рынке российских и зарубежных компаний?

Когда компания по каким-либо причинам сокращает свою деятельность, то первое, на чем это должно сказаться — фактически полученная выручка по итогам очередного периода. При этом сама по себе выручка может меняться в силу различных факторов: общей экономической ситуации, соотношения спроса и предложения, изменения рыночных цен, успешных или неуспешных решений менеджмента компаний и т.д. В случае, если между российскими и иностранными компаниями разница в поведении отсутствует, то в целом по промышленности или по отдельным отраслям их реакция на внешние изменения должна быть более-менее схожей. Если же российские компании продолжают вести бизнес, а иностранные организации принимают решения выжидать или

даже уходить, то следует ожидать различной динамики выручки для двух этих категорий организаций.

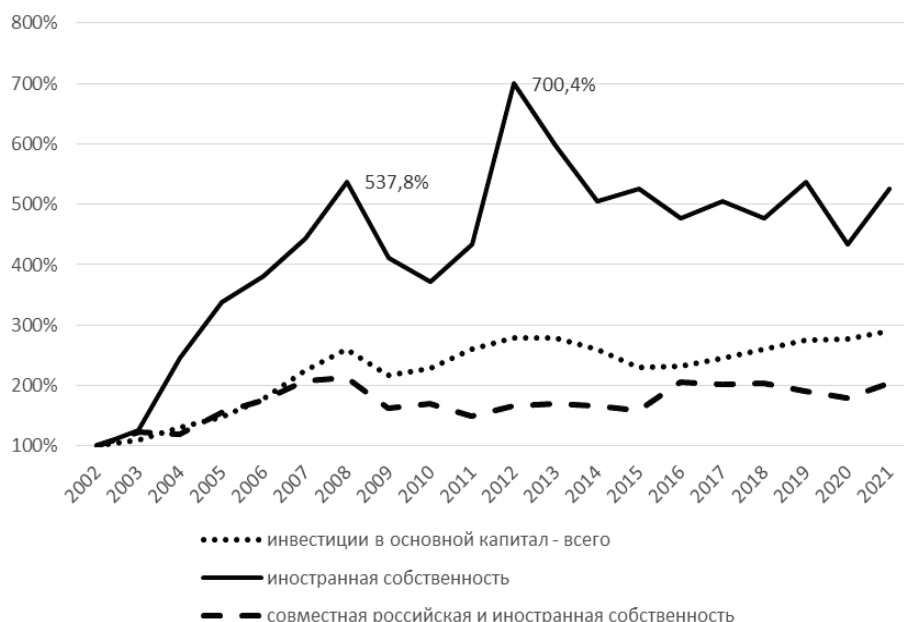

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал по источникам (формам собственности), в ценах 2002 г., в % к уровню 2002 г. (2002 г. = 100%).

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В качестве выборки для анализа использованы данные СПАРК-Интерфакс по выручке компаний обрабатывающей промышленности, действующих на начало 2023 года. В выборку были включены действующие компании с численностью персонала не менее 10 человек, по которым имелись данные о выручке начиная с 2002 года и до 2021 года без пробелов и пропусков данных. Тем самым была сформирована сбалансированная панель из 3733 компаний и данных за 2002–2021 годы. Все сведения о фактической выручке предприятий были приведены к уровню цен 2002 года на основе индекса потребительских цен в Российской Федерации.

Предметом анализа были возможные различия в динамике выручки российских и иностранных (включая организации в совместной собственности) компаний после 2014 года, то есть – после появления значимого политического фактора противостояния между Россией и странами Запада. В логике метода «разность разностей», модель можно представить следующим образом

$$Y_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 FGN_i + \alpha_2 SANC_t + \beta(FGN_i * SANC_t) + \varepsilon_{it} \quad (1),$$

где Y_{it} — объясняемая переменная;

FGN_i — бинарная переменная для i -й компании, равная 0 для организаций в российской собственности и 1 для организаций в иностранной или смешанной собственности;

$SANC_t$ — бинарная переменная, равная 0 для периода до 2014 года (включительно) и 1 для наблюдений начиная с 2015 года;

$(FGN_i * SANC_t)$ — бинарная переменная, отражающая фактическое воздействие изменения условий деятельности на поведение иностранных компаний и компаний со смешанной собственностью;

ε_{it} — случайная ошибка.

При анализе в качестве объясняемой переменной использовались последовательно индекс изменения выручки к предыдущему году (в процентах), выручка в денежном выражении (в ценах 2002 года) и логарифмы этих величин. В качестве сравниваемых периодов использовались 2013 как последний год перед кризисом 2014—2015 годов и отдельно 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 годы.

Вопреки первоначальным ожиданиям, ни одна из спецификаций модели по методу «разность разностей» при оценке по МНК не дала удовлетворительного значимого результата ни для одной пары периодов: коэффициенты при объясняющих переменных были незначимы, либо, помимо константы, имелась значимость (на 1% уровне значимости) отдельно коэффициента при переменной FGN_i и (или) переменной $SANC_t$, но никогда — для переменной фактического воздействия. В нескольких логарифмических спецификациях переменная фактического воздействия была значима только на 5% уровне значимости, с отрицательным или положительным знаком. R-квадрат во всех случаях не поднимался выше 0,12, то есть модели в любом случае не могли объяснить существенную часть колебаний выручки. При этом в случае значимости коэффициент при переменной $SANC_t$ был отрицательным, а при FGN_i — положительным.

Дополнение модели контрольными бинарными переменными, отражающими принадлежность компании к тому или иному классу видов деятельности (два знака по ОКВЭД2) ситуацию никак не меняли.

Дополнение модели объясняющей переменной, характеризующей индекс промышленного производства по соответствующему классу видов деятельности (альтернатива набору бинарных переменных ОКВЭД2), исходя из предположения о возможной связи между показателем выручки конкретной компании и успешности производства отрасли в целом, давало значимость этой переменной, особенно в логарифмических спецификациях, но без существенного улучшения качества модели. Построение модели для панельных данных за 2003—2021 годы (с применением оценки со случайными эффектами) также оказалось безрезультатным.

Можно утверждать, что вплоть до 2021 года значимого отличия в поведении на российском рынке между российскими предприятиями и иностранными компаниями, продолжительное время работавшими в России и не принявшими решения об уходе с рынка, не было. Предприятия, находящиеся в иностранной собственности, сокращением текущей деятельности не занимались, устойчивого снижения выручки или меньших, в сравнении с российскими организациями, темпов развития не наблюдалось.

При этом для организаций, фактически ликвидированных в 2015–2019 гг., определенные отличия в динамике выручки наблюдаемы и в целом следуют одной из трех траекторий: или постепенное сокращение поступлений с последующим закрытием, или резкое увеличение выручки в год перед ликвидацией в силу продажи активов, или отсутствие изменений в случаях, когда ликвидация происходила в форме присоединения (поглощения) другой организацией. Так, из 37 компаний с иностранной или смешанной собственностью, ликвидированных в 2018 году, для которых в системе СПАРК-Интерфакс имелись данные о среднесписочной численности персонала и сведения о ненулевой выручке в 2015–2017 гг., сокращение поступлений в 2017 г. наблюдалось у 29 организаций, еще у 2 выручка резко (более чем в 2 раза) возросла перед закрытием, а в 6 компаниях резких колебаний или устойчивого снижения выручки не наблюдалось.

2022 год не стал периодом резких и быстро принимаемых решений иностранных игроков об уходе с российского рынка. Даже в известных СМИ публичных решениях крупных компаний преобладали иные варианты — формальная передача юридических лиц и принадлежащих им активов с опционом на возвращение или приостановка деятельности на неопределенный период. Реальное сокращение присутствия иностранных организаций в экономике оказалось даже меньше, чем в предшествующие годы. В то же время с учетом периода, необходимого для соблюдения правовых формальностей, и сохраняющейся неопределенности относительно сроков завершения специальной военной операции, увеличение числа ликвидированных компаний с иностранной собственностью в 2023 г. весьма вероятно.

На фоне повышенного внимания к уходящим в 2022 г. компаниям, почти не освещалось сокращение присутствия иностранных компаний в российской экономике начиная с 2014 г. — при том, что многие исследователи указывали на сокращение иностранных инвестиций и в целом отрицательные тенденции в бизнес-демографии. Однако, если в 2015–2019 гг. организации, продолжительное время действовавшие в российской промышленности, практически никак не корректировали свою текущую деятельность, несмотря на охлаждение отношений между Россией и западными странами, то по итогам 2022 г.

ситуация может измениться, и масштаб приостановки или «заморозки» экономической активности в 2022–2023 гг. еще потребует отдельного исследования. В любом случае быстрый выход из российской промышленности в виде продажи активов и ликвидации юридического лица, скорее всего, останется не самым популярным вариантом из возможных.

Литература

1. *Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А.* Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // *Экономическое Развитие России*. Т. 29. № 4. Апрель 2022. С. 5–14.
2. *Шашитко А.Е., Мелешкина А.И.* Национализировать нельзя оставить // *Вопросы экономики*. 2022. № 4. С. 133–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-133-145.
3. *Седлов А.* Институциональные особенности российского рынка труда иностранной рабочей силы (в контексте вызовов современности) // *Общество и экономика*. 2022. № 11. С. 66–82. DOI: 10.31857/S020736760023107-6.
4. *Квашина И.* Ограничения по трансграничным потокам капитала в условиях внешних санкций и ответных мер России // *Общество и экономика*. 2022. № 7. С. 52–62. DOI: 10.31857/S020736760021096-4.
5. *Плотников В.А.* Демография российских хозяйствующих субъектов: некоторые факты и комментарии // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2020. № 1 (43). С. 9–13.
6. *Важенин С.Г., Важенина И.С.* Мобильность компаний в современной экономике // *Экономика региона*. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 158–169. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-12.
7. *Позубенкова Э.И.* Бизнес-демография организаций // *Сурский вестник*. 2021. №1 (13). С. 72–76. DOI: 10.36461/2619-1202_2021_13_01_014.
8. *Скрипкина Е.В., Перькова Е.Ю.* О предпринимательской активности в России в условиях кризиса // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022. № 8. С. 189–195.
9. Воздействие внешних факторов на распространение кризиса 2014–2016 гг. в российской экономике / Научный доклад Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН) под редакцией чл.- корр. РАН, д.э.н. М. Головнина и к.э.н. Д. Ушкаловой // *Общество и экономика*. 2018. № 5. С. 5–45.
10. *Кнобель А.Ю.* Прямые иностранные инвестиции в 2018 г.: рекордный отток // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26. № 6. С. 18–21.

Alexey Kalinin (e-mail: kalinin_a@mail.ru)

Ph.D. in Economics,

Business Solutions plc /SBS (head for consulting practice),

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

REDUCING FOREIGN PRESENCE IN THE RUSSIAN MANUFACTURING INDUSTRY: THE RESULTS OF 2022 AND THE IMMEDIATE PROSPECTS

The withdrawal of foreign companies from the Russian market due to a change in the political situation has been a new trend for the Russian economy.

The study shows that the actual scale of closure of foreign legal entities is insignificant, and even smaller than in previous years: the maximum number of legal entities was closed during 2018–2019. With that, until 2021, there were no noticeable differences in behavior between Russian and foreign companies, no intentions to reduce or limit their activities.

Given the time it takes to comply with regulatory requirements for company closures, the decisions announced in 2022 are likely to affect the exit statistics of foreign organizations in 2023–2024. In addition, a possible future change in the behavior of foreign owners, in the form of restrictions or suspension of activities without the formal closure of companies will require a separate study, based on the results of 2022–2023.

Keywords: foreign companies, business demographics, exit from the market.

DOI: 10.31857/S020736760025154-8